

ОККАЗИОНАЛЬНЫЕ СИНОНИМИЧЕСКИЕ РЯДЫ В ПОЭТИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ

Л. Г. АКОПЯН

В плане изучения семантической структуры поэтического слова особый интерес представляют так называемые «синонимы поэтической речи» (термин Б. А. Ларина). Среди этих последних представляется возможным выделение собственно синонимов (т. е. синонимов общеязыковых) и окказиональных синонимов.

Собственно синонимы наиболее часто встречаются в различных фольклорных жанрах, а также в литературном наследии древней Руси¹. Эти синонимы можно рассматривать как частный случай семантического повтора или семантического параллелизма. Особо распространенные в фольклорных жанрах собственно синонимы в подавляющем большинстве случаев являются компонентами традиционных фольклорных формул: жили-были, в некотором царстве, в некотором государстве, тоска-печаль, горе-злосчастье и т. д.

Выделяемая нами группа синонимов-окказионализмов есть явление, принадлежащее исключительно поэтической речи и невозможное в общеязыковом употреблении. Обязательным условием появления окказиональной синонимии является наличие синонимического ряда, без которого рядоположенные слова не приобретают статус окказиональных синонимов. В зависимости от того, воспринимается ли слово как элемент синонимического ряда или же как относительно независимое от рядоположенных однородных элементов слово, зависит интенсификация в читательском восприятии тех или иных параметров семантической структуры слова.

В отличие от лингвистического понимания синонимического ряда, где он является преимущественно фактом языка, в поэтическом тексте окказиональный синонимический ряд представляет собой явление, исключительно принадлежащее (поэтической) речи. Таким образом, здесь фактически речь идет не о синонимическом ряде, а о рядоположенности окказиональных синонимов.

Итак, под термином «окказиональный синонимический ряд» мы понимаем рядоположенность двух и более нетождественных в семантическом плане слов, преимущественно идентичных по своей синтаксической функции, имеющих определенную фонетическую, грамматическую или семантическую общность²; окказиональный синонимический ряд относится к одному какому-либо слову и в сочетании с ним реализует определенную словосочетательную модель³. Общность элементов окказионального сино-

¹ См.: Д. С. Лихачев. «Культура Руси времени Андрея Рублева и Епифания Премудрого». М.-Л., 1962, с. 56—57 и «Поэтика древнерусской литературы». Л., 1971, с. 128—129, а также статью Евгеньевой А. П. «Язык устной русской поэзии (синонимия)». ТОДРЛ, т. VII, М.—Л., 1949. Собственно синонимы встречаются и в поэзии нового времени, большей частью в произведениях, представляющих собой подражания образцам народных песен. Например, у М. Цветаевой:

Как перед царями да князьями стены падают—
Отпади, тоска-печаль-кручина,
С молодой рабы моей Марины
Верноподданной...

(Подчеркнуто нами—Л. А.)

² Фонетическая общность приводит иногда к так называемому авторскому этимологизированию. См.: Топоров В. Н. «О некоторых основаниях этимологического анализа»: РЯ, 1960, № 3. Блестящий образец авторской этимологии находим в стихотворении Б. Окуджава «Франсуа Вийон» в стихе «Канну дай раскаянье...».

³ С точки зрения синтаксической рядоположенные окказиональные синонимы представляют собой однородные члены предложения.

нимического ряда на любом из вышеназванных уровней приводит к их взаимному семантическому «заражению» (Ю. Н. Тынянов), когда слово становится носителем не только своих словарных значений (как основных, так и потенциальных), но и значений других элементов ряда. Необходимым условием появления окказионального синонимического ряда является то обстоятельство, что по крайней мере один из элементов ряда реализует не прямое, а переносное значение слова (метафора, метонимия и т. д.). Так, например, в стихе «Снова пьют здесь, дерутся и плачут...» мы не имеем окказионального синонимического ряда, так как рядоположенные предикаты здесь употреблены в своих прямых значениях, они не берут на себя добавочных семантических нагрузок и не испытывают взаимного семантического заражения.

Семантическое заражение представляет собой комплекс ассоциативных соотношений⁴, возникающих благодаря заданным в тексте определенным условиям, например, фонетического, семантического и др. порядка—с одной стороны, и культурным тезаурусом читателя⁵—с другой.

Степень семантического заражения слов, входящих в окказиональный синонимический ряд, во многом определяется наличием или отсутствием в данном ряду доминанты.

Доминантой окказионального синонимического ряда в поэтическом тексте мы называем семантически наиболее устойчивое ядро, представленное наиболее тесными связями, в основном совпадающими в общеязыковом и окказиональном употреблении, вбирающее в себя определенные семантические компоненты рядоположенных слов или имеющее с ними сходство во внешней форме. Введение понятия доминанты представляет фактом большой важности. Наличие доминанты в целом предопределяет и очерчивает границы возможных ассоциаций благодаря привычности и однозначности соотносимых слов в общеязыковом употреблении. Прочие же элементы ряда вбирают в себя некоторые из основных и потенциальных сем⁶ доминанты, реализуемых в данном лексико-семантическом окружении. Иначе говоря, семантическая структура слова, которое в данном контексте получает статус доминанты, довлеет над прочими элементами окказионального синонимического ряда. Отсутствие доминанты предопределяет равноценность каждого из элементов синонимического ряда, не ограничивая их смысловых ассоциаций. Окказиональные синонимические ряды без доминанты более динамичны и ассоциативные границы их более размыты, чем ряды с доминантой. Эта динамика предопределяется равноправием всех лексических единиц, в результате чего они одинаково активно участвуют в порождении надтекстового семантического комплекса, причем этот семантический комплекс представляет собой более сложное образование, чем семантический комплекс окказионального синонимического ряда с доминантой: в последнем случае все элементы ряда подчиняются доминанте и реализуют те семы, которые «провоцирует» доминанта.

Так как доминантой окказионального синонимического ряда является слово, репрезентированное определенными семантическими связями не только в окказиональном (контекстуальном), но и в общеязыковом употреблении, то представляется целесообразным выявление ее по методике, разработанной для выделения доминанты общеязыкового синонимического ряда. Сущность этой методики заключается в составлении и анализе матриц слов и их семантических компонентов. На более подробной характеристике этой методики останавливаться не будем⁷ и ограничимся примером выявления доминанты окказионального синонимического ряда в поэтическом тексте:

*Тридцатая годовщина
Союза—держись, злецы!*

⁴ В современной лингвистике появляется все больше работ, посвященных изучению словесных ассоциаций, напр., «Словарь ассоциативных норм русского языка», «Психолингвистика» Д. Слобина и Д. Грин и др. Однако во всех этих работах исследуются ассоциативные связи в литературном языке, но не в языке литературы (в частности, в языке поэтическом).

⁵ И. Р. Гальперин. «Текст как объект лингвистического исследования». М., 1981, с. 37—38, 45.

⁶ См.: В. Г. Гак. «О семантической относительности языковых единиц». В кн.: «Всесоюзная научная конференция по теоретическим вопросам языкознания (11—16 ноября 1974 г.). Тезисы докладов и сообщений пленарных заседаний. М., 1974, с. 26.

⁷ Теоретические аспекты выявления семантических связей слов по компонентам

*Я знаю твои морщины,
Изъяны, рубцы, зубцы—*

*Малейшую из зазубрин!
(Зубами—коль стих не шел!)
Да, сей человек возлюблен!
И сей человек был—стол.*

(М. Цветаева. Цикл «Стол», III)

В приведенном отрывке выделяется окказиональный синонимический ряд **морщины—изъяны—рубцы—зубцы—зубуринны—(зубы)**. Причем, необходимо отметить, что последнее слово ряда хотя и не относится к тому же слову, что и прочие элементы, однако фонетические связи (**рубцы-зубцы; зубцы-зубы**) и, в особенности, теснейшие семантические связи (однокоренные с двумя предшествующими словами: **зубцы, зазубринны**) дают возможность рассматривать его в одном ряду с другими составляющими окказиональный синонимический ряд.

Можно заметить, что все элементы ряда распадутся на две группы: антропоморфные (**морщины, рубцы, зубы**) и неантропоморфные (**зубцы, зазубринны**). Что касается слова **изъяны**, то оно употребляется и по отношению к человеку—и шире—к живой природе (см. МАС: «...переносн. Несовершенство, погрешность, недостаток»), и по отношению к неживой природе («неисправность, повреждение»—там же). Эта семантическая «двунаправленность» дает нам возможность рассматривать слово **изъяны** как семантическую доминанту окказионального синонимического ряда⁸. Более строгий анализ по матрицам семантических компонентов дает тот же результат: по степени включения в себя семантических компонентов прочих элементов ряда слово **изъяны** дает наиболее высокий показатель. Что же касается доминант фонетической и грамматической, то и в одном, и в другом случае выделяется (тем же путем) слово **зубцы**. Особое положение этого слова среди прочих элементов окказионального синонимического ряда обусловлено следующим: в шестикомпонентном ряде три элемента представляют собой однокоренные образования (корень **-зуб-**), причем, один из этих элементов имеет общую с другим (четвертым) элементом словообразовательную модель (**зубцы—рубцы**). Таким образом, четыре элемента из шести находятся между собой в двух разных лексико-семантических взаимоотношениях. «Центральное» слово, которое является точкой пересечения этих связей—это слово **зубцы**, которое и выделяется в качестве доминанты.

Итак, в вышеприведенном окказиональном синонимическом ряде мы имеем следующие доминанты: 1. семантическая—**изъяны**; 2. фонетическая и грамматическая—**зубцы**.

В следующей строфе:

*Настанет день—печальный, говорят!—
Отцарствуют, оплачут, отгорят,—
Остужены чужими пятаками,—
Мои глаза, подблизные как пламя.
И—двойника нащупавший двойник—
Сквозь легкое лицо проступит—лик.*

(М. Цветаева. Цикл «Стихи о Москве», III)

наряду со стилистическими синонимами **лицо-лик**, выделяется окказиональный синонимический ряд **отцарствуют-оплачут-отгорят**. Отнесение семантически далеких друг от друга слов к одному синонимическому ряду обусловлено как рядоположенностью названных глаголов, так и полной формально-грамматической общностью.

Анализ элементов окказионального синонимического ряда по семантическим составляющим показывает, что ни одно слово не имеет сколь-нибудь явных соотношений

значений, а также выделения доминанты рассматриваются в книге В. Г. Вилюмана «Английская синонимика», М., 1980.

⁸ Некоторые элементы окказионального синонимического ряда такие, как слова **рубец** и **морщина**, также обладают этой семантической двунаправленностью. Однако низкая частотность их употребления в «неантропоморфном» аспекте (как, скажем, для слова **рубец** значение «шов, образованный при сшивании двух кусков ткани или кожи») дает нам возможность не принимать их во внимание.

с семантическими компонентами других элементов в плане общеязыкового употребления. Кроме того, нужно подчеркнуть следующее. При соотнесении с субъектом глаза один элемент ряда (**отплачут**) реализует метонимию, два других (**отцарствуют** и **отгорят**)—метафоры. Причем, последнее сочетание (**отгорят...глаза**) представляет собой актуализацию стершейся метафоры **глаза горят**; метафора эта актуализируется благодаря наличию префикса **от-**, а также не совсем обычной для данной конструкции временной отнесенности. С другой стороны, благодаря словам **остужены** и **пламя**, происходит не столько актуализация метафоры, сколько конкретизация ее, что предполагает уже **деметафоризацию** конструкции—оживление в ней конкретных значений слов. Однако сильная перцептивная и интонационная инерция, создаваемая окказиональным синонимическим рядом, препятствует конкретизации метафоры.

Таким образом, в данном контексте предикаты **отцарствуют** и **отгорят** семантически одинаково удалены от субъекта **глаза**. Более тесными связями обладает предикат **отплачут** (ср.: **отплачут... глаза**—заплаканные глаза), который можно было бы принять за доминанту данного ряда, однако нетривиальность его употребления препятствует такому рассмотрению. Итак, в данном окказиональном синонимическом ряду доминанта не выделяется.

Амплификация синонимов не есть поиск единственного слова-смысла. Рядоположение окказиональных синонимов имеет целью создание «силового поля» между семантическими структурами элементов ряда⁹. В результате возникшего напряжения между семантическими структурами элементов каждый из них (элементов) перестает восприниматься как самостоятельное лексико-семантическое целое с конечным числом семантических признаков, а представляет собой открытую для других элементов ряда структуру, готовую вобрать в себя и реализовать определенные (контекстно обусловленные) семантические признаки соположенных элементов ряда так же, как реализует свои. Это взаимопроникновение семантических структур элементов окказионального синонимического ряда предопределяет и их особое положение среди других слов поэтического текста: как слово поэтической речи оно многозначно так же, как и любое другое слово поэтического текста; будучи включенными в синонимический ряд, они, кроме того, получают добавочное осложнение, обусловленное взаимспроницаемостью их семантических структур.

С другой стороны, взаимопроницаемость элементов окказионального синонимического ряда обуславливает некоторые изменения в объеме семантической структуры слова: принимая в себя значения других слов ряда, данное слово ограничивает свою семантическую структуру. Происходит **редукция** семантической структуры слова, проявляющаяся в тенденции к утрате словом своих **конкретных** (словарных) семантических признаков во имя наполнения окказиональными, подвижными, непостоянными абстрактными значениями. В связи с этой деформацией семантической структуры слова особую значимость приобретает момент интонации. Происходит своего рода компенсация компонента содержательного плана компонентом плана выражения¹⁰.

Таким образом, слово в окказиональном синонимическом ряду, с одной стороны, расширяет свои семантические границы и включает в себя определенные семантические признаки рядоположенных, но по своим семантическим параметрам весьма отдаленных слов; с другой стороны, слово в названном ряду вытесняет некоторые из своих семантически характеристик, проявляя тенденцию к редукции своего собственного значения. Эти два противоположных момента на самом деле взаимообусловлены. Для того, чтобы быть открытой структурой для определенных семантических характеристик других слов ряда, семантическая структура слова должна редуцироваться до такой степени, чтобы оставшиеся в наличии (в сознании реципиента) семы были бы способны к порождению прямых, а чаще, ассоциативных (опосредованных) связей с фонетической, грамматической и семантической структурой прочих элементов ряда. В противном случае рядоположенность слов не будет восприниматься как окказиональный синонимический ряд, что, в свою очередь, приведет к неадекватному восприятию всего текста.

⁹ См.: С. С. Аверинцев. «Поэтика ранневизантийской литературы», М., 1977, с. 137 и след.

¹⁰ Нечто подобное наблюдал С. С. Аверинцев у Псевдо-Дионисия Ареопагита и у Нонна: «Слова должны усиливать друг друга интонационно и вытеснять друг друга содержательно». Аверинцев С. С. «Поэтика ранневизантийской литературы», с. 139.

Редукция значения элемента окказионального синонимического ряда происходит в следующем примере:

*Уж он бы полтавских не комкал
Концов, не тупил бы пера.
За что недостойным потомком—
Подонком—опенком Петра*

Был сослан в румынскую область...¹¹

(М. Цветаева. «Петр и Пушкин»)

Выделенный окказиональный синонимический ряд (если рассматривать его как ряд-дополоченность трех составляющих **потомок—подонок —опенок**) имеет общность лишь фонетическую и формально-грамматическую. Семантическая связь между первым и вторым компонентами обнаруживается, коль скоро вводим в состав окказионального синонимического ряда определяющее слово при первом элементе (**недостойным потомком**). Последний элемент ряда (**опенок**), реализуя в общеязыковом употреблении одно-единственное словарное значение и не имея явных семантических перекличек ни с одним из окружающих слов, теряет свое значение—«разновидность съедобных грибов»—и вбирает в себя значения прочих элементов ряда. Однако для этого необходима известная «предрасположенность». Фонетическое и грамматическое сходство является важным, но, очевидно, недостаточным условием такого заражения. Предпосылкой семантического заражения является актуализация почти полностью забытого внутреннего образа слова, связанного со словом **пень**¹². Нам не представляется натянутым предположение о том, что слово **опенок** порождает в данном контексте ассоциативный ряд, представленный словами с суффиксом **-ок** или **-онок**¹³ со значением **незрелости, детскости**¹⁴, которые имплицитно содержат в себе сему «наследник, производитель, потомок». Кроме того, данная префиксально-суффиксальная словообразовательная модель имеет значение «нечто, **прилегающее** к тому, что названо мотивирующим глаголом» (подчеркнуто нами—Л. А.)¹⁵. Вот это значение расположенности в непосредственной близости (как опята растут либо на пнях, либо рядом с ними), это сложное значение, еще более усложненное метафорическим употреблением и создает те предпосылки, благодаря которым слово с редуцированным словарным значением становится открытой семантической структурой, вбирающей в себя *hic et nunc*. нередуцированные значения других компонентов окказионального синонимического ряда. Так, в вышеприведенном примере слово **опенок** стало носителем значений слова **подонок** и (благодаря определяющему слову **недостойный**) слова **потомок**.

Все изложенное выше относительно взаимозаражения составляющих окказионального синонимического ряда, выявления доминанты и изменения семантического объема слова приводит нас к обоснованию надтекстового семантического комплекса. Выше было отмечено, что функция окказионального синонимического ряда заключается не в большей конкретизации объекта, а в создании «силового поля» (С. С. Аверинцев) вокруг него, которое генерировало бы соответствующие смысловые ассоциации при восприятии поэтического текста. При взаимодействии (взаимном заражении) элементов ряда возникает некий надтекстовый семантический комплекс, вбирающий в себя определенные семантические признаки каждого элемента ряда.

¹¹ Так как это отрывок из довольно большого стихотворения, представляется целесообразным введение некоторых пояснений. Он—Петр I, **недостойный потомок**—Николай I, **полтавских не комкал концов**, то есть не изымал целые куски из «Полтавы» (здесь: у Цветаевой неточность: Николай I редактировал не «Полтаву», а «Медный всадник»). См. примечания А. Эфрон и А. Саакянц в книге: М. Цветаева. Избранные произведения. Библиотека поэта. Большая серия. М.—Л., 1965, с. 756.

¹² См.: М. Фасмер. Этимологический словарь русского языка. Т. 3, М., 1971, с. 143—144.

¹³ Русская грамматика. Т. I, М., 1980 с. 204.

¹⁴ Различение этих суффиксов, в грамматическом отношении обязательное (см.: «Русская грамматика», т. 2, раздел «Словообразование существительных»), для нас не важно, так как нам необходимо указать лишь на **общий семантический признак детскости**, который заложен и в том, и в другом суффиксе.

¹⁵ «Русская грамматика». Т. I, с. 233.

Этот надтекстовый семантический комплекс не эксплицирован и однозначно не выражен в тексте, ибо не является компонентом или пусть даже целым семантическим полем одного какого-либо слова-смысла. Не является он и простой суммой определенных семантических признаков всех элементов ряда. Надтекстовый семантический комплекс есть результат ассоциативных соотнесений на всех уровнях языка—фонетическом, грамматическом, лексическом и др.—с культурным тезаурусом реципиента. Без этих соотнесений окказиональный синонимический ряд остается рядоположенностью однородных членов предложения—не более.

Ниже приведем анализ по выявлению надтекстового семантического комплекса, В строфе

*...В дивном граде сем,
В мирном граде сем,
Где и мертвой мне
Будет радостно,—
Царевать тебе, горевать тебе,
Принимать венец,
О, мой первенец!*

(М. Цветаева Цикл «Стихи о Москве». I)

выделяется окказиональный синонимический ряд **царевать—горевать—принимать (венец)**. Основанием для отнесения выделенных слов к одному синонимическому ряду являются следующие обстоятельства: слова **царевать** и **горевать** соотносятся по принципу фонетического сходства и общности синтаксической функции, словосочетание **принимать венец**—по общности синтаксической функции, а также по принципу единства и целостности интонационного рисунка ряда. Это—в плане формальном. В плане же содержательном включение последнего элемента в окказиональный синонимический ряд представляется нам фактом исключительной важности, без которого семантическая структура всего ряда была бы полностью нарушена. Так, если бы ряд составляли только элементы **царевать** и **горевать**, они воспринимались бы как окказиональная антонимическая пара, два полюса, между которыми располагается вся гамма человеческих радостей и горестных переживаний. Наличие же третьего элемента нарушает необходимую для антонимизации бинарность и создает новую иерархию семантических отношений.

Анализ по семантическим составляющим показывает, что словосочетание **принимать венец** является доминантой данного окказионального синонимического ряда, так как заключает в себе семантические компоненты двух других слов ряда. Так, с одной стороны, слово **венец** реализует значение «корона» (символ царской власти), с другой—в словосочетаниях «терновый венец», «принять мученический венец»—является символом страдания. Эти два разнонаправленных семантических комплекса для носителя определенной культурной традиции соединяются в одной культурной реалии—в образе Христа—Сына Божьего¹⁶, Царя Иудейского, принявшего мученический венец.

Кроме того, культурный компонент русского слова **царь** представлен семами, преимущественно указывающими на положительно отмеченные качества, присущие царю в высшей (большей, чем другим) степени—сильнейший, могущественнейший,

¹⁶ В слове **первенец** безусловно наличествует сема «сын» (ср.: у Даля слово **первеница** для обозначения лица женского пола). Вообще-то рассматривать слово **первенец** как один из семантических компонентов, эксплицирующих образ Христа неправомерно, так как единственный сын не может быть первенцем. Однако это слово, «некорректно» употребленное самим автором (так как здесь речь идет о дочери Цветаевой—Ариадне), указывает на преднамеренное искажение языковой нормы. Ср. то же «некорректное» словоупотребление в другом стихотворении (из цикла «Але»):

*...Когда-то сказала:—Купи!—
Сверкнув на кремлевские башни.
Кремль—твой от рождения.—Спи,
Мой первенец светлый и страшный.*

справедливейший, мудрейший¹⁷ и т. д. Для носителя христианской культурной традиции рядоположенные и, следовательно, соотнесенные представления **царевать** и **горевать**¹⁸—не крайние, полярно противоположные точки на ценностной шкале жизненного пути человека, а наоборот, взаимно обусловлены и взаимно предопределены: царь (=носитель высшего /иератического/ знания) есть носитель скорби, ибо мудрость предполагает страдание¹⁹. Наиболее афористично и полно эта идея выражена у Екклесиаста: «Во многой мудрости много печали. И кто умножает познание—умножает скорбь»²⁰.

Таким образом на пути выявления надтекстового семантического комплекса мы эксплицировали окказиональный синонимический ряд до семантического комплекса «Христос». Конечно же, это не последний этап семантической трансформации ряда. Более того, возможно, что это не единственно приемлемая экспликация надтекстового семантического комплекса данного окказионального синонимического ряда.

Так, сема «царевать» заключена в словах **царь** и **царица**. В европейской культурной традиции так называют жениха и невесту. Ср. более характерные для русской традиции и соотносимые с ними как функционально, так и семантически термины князь и княгиня в свадебных величальных песнях²¹. В этом контексте и слово горевать претерпевает соответствующие семантические трансформации. Можно предположить наличие контекстно обусловленной семы, связанной с характерными особенностями ритуального поведения (плач невесты, обрядовые заплачки). И, наконец, последний элемент ряда **принимать венец** может реализовать свое прямое значение (обряд венчания). Однако по разным соображениям данная экспликация надтекстового семантического комплекса представляется нам менее обоснованной, чем первая.

Выявление (=вербализация) надтекстового семантического комплекса—процедура весьма трудоемкая не только потому, что он представляет собой сложное переплетение семантических признаков слов, не имеющих точек соприкосновения в общеязыковом употреблении. Он многоаспектен и разнонаправлен. Надтекстовый семантический комплекс значительно шире лексико-семантических полей составляющих его слов и потому анализ окказионального синонимического ряда с целью выявления надтекстового семантического комплекса может быть более или менее адекватным, но всегда неполным. Целокупное же выявление надтекстового семантического комплекса не есть, очевидно, компетенция теоретического (в данном случае—лингвистического) анализа и является привилегией эмоционального восприятия.

1. ԱՎԱՌՅԱՆ— Դիպվածային (օկազիոնալ) հոմանշային շարքերը բաճառեղծական տեխնոմ.— Հողվածում դիտարկվում է նախադասության համադաս անդամների որոշակի տարատեսակներից մեկը, որը բաճառեղծական տեքստում ձևոր է բերում դիպվածային (օկազիոնալ) հոմանիշային շարքի ստատուս: Դա իմաստարանական պայնում երկու և ավելի ոչ-նույնական բառերի շարակցություն է, որը ունի հնչյունային, քերականական կամիմաստային փոխազդեցության. բառը հանդես է գալիս ոչ միայն իր բառարանային, այլև համադաս անդամի նշանակությամբ:

Դիպվածային իմաստային շարքի տարրերի փոխազդեցությունը ձևոր է բերում արտատեքստային իմաստային համակարգի բնույթ, որը ղեկավարող մշակութային թեզաուրուսի հետ լեզվական բոլոր մակարդակների ասոցիատիվ փոխհարաբերության արդյունք է:

¹⁷ Свообразным подтверждением этого могут быть многочисленные паремии, представленные в сборнике В. Даля «Пословицы русского народа». М. 1957, с. 243—245.

¹⁸ Здесь мы не указываем, но учитываем наличие третьего элемента ряда **принимать венец**.

¹⁹ На самом деле взаимообусловленность мудрости и страдания не есть откровение христианского мировидения. Глубокое осмысление этой трагической взаимосвязи находим уже в античной литературе. См.: С. С. Аверинцев. «К истолкованию символики мифа об Эдипе» в кн. «Античность и современность», М., 1972.

²⁰ Екклесиаст, 1,23.

²¹ А. Байбурин, Г. Левинтон. «Князь» и «княгиня» в русском свадебном величании. (К семантике обрядовых терминов). В сб. «Русская филология», IV, Сборник студенческих научных работ. Тарту, 1975.